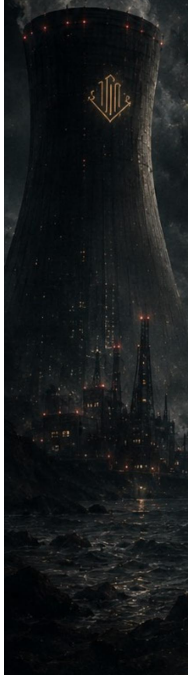

Сергей Стариди

ЭМПАТИЯ ПАДШЕГО

Банк доброго государства

ЦЕНТРИФУГА

18+

Сергей Стариди

Эмпатия падшего

<https://litres.ru/73984823>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире «Банка доброго государства» долги не заканчиваются со смертью. Тех, кто не смог расплатиться при жизни, можно оцифровать и отправить на серверы — работать дальше уже без тела, свободы и права на конец.

Марат — «гончая» Банка, элитный ретривер в физическом мире. Пятнадцать лет он находил беглых должников, ломал сопротивление и доставлял людей в мобильные пункты оцифровки. Без жалости. Без сомнений. Без лишних вопросов.

Но однажды ему начинает сниться свет, белые крылья и невыносимое чувство любви ко всему живому. На черном рынке Марат покупает запрещенный эмоциональный патч — «Абсолютное милосердие». Он верит, что чужое сострадание спасет его душу.

Но Банк умеет превращать в актив всё: память, страх, боль, любовь — и даже попытку человека стать лучше.

«Эмпатия падшего» — мрачный фантастический рассказ о милосердии, насилии и страшной правоте тех, кто убивает во имя спасения.

Сергей Стариди

Эмпатия падшего

Воздух держал его, как плотная, живая вода.

Марат не прилагал никаких усилий. Огромные белые крылья за спиной сами ловили восходящие потоки, неся его выше, туда, где начинался мягкий, всепроникающий свет. Но главным было не чувство полета. Главное разливалось в груди.

Сострадание.

Абсолютная, звенящая любовь к каждому живому существу. Она была такой острой, что причиняла почти физическую боль — очищающую боль человека, который впервые увидел чужое страдание не как помеху, не как слабость, не как фон, а как собственную рану.

В этом свете не было ни «Банка доброго государства», ни беглых должников, ни хруста ломающихся костей. Было только прощение. Не торг, не сделка, не отсрочка платежа. Прощение — безусловное, невозможное, живое.

Марат расправил тяжелые перья и потянулся к свету, готовый раствориться в нем навсегда. Простить всех. Быть прощенным самому.

А потом свет погас.

Марат открыл глаза, судорожно втягивая носом липкий, обжигающий кислород.

Грудь сдавило. Белых крыльев не было. Была мокрая синтетическая футболка, прилипшая к лопаткам, раскаленное сиденье старого седана и открытые окна, которые не принесли никакого облегчения.

Кластер «Юг-04» не знал прохлады. Здесь, на узкой полосе бетона между горами и Черным морем, гравитация казалась вдвое тяжелее, а воздух был густым, как сироп. Он пах солью, плавящимся битумом и горячим озоном.

В зеркале заднего вида темнели гигантские градирни дата-центров Банка. Они стояли прямо на побережье, подавляя ночное небо и непрерывно выплевывая в темноту клубы белого пара. Чтобы охладить серверы, на которых миллионы оцифрованных должников сортировали мусорные данные, корпорация пропускала через систему охлаждения целое море. Вода у берега всегда была неестественно теплой, мертвой, отдающей машинным маслом и ржавчиной.

Жара Юга была больной. Термическая отдача цифрового ада. Чужие долги, страхи и посмертные сроки, сжатые в терабайты данных, выделяли столько энергии, что бетон здесь потел, а роса никогда не выпадала.

Марат вытер лицо жесткой ладонью. На костяшках тускло белели старые шрамы. Эти руки никогда не дарили прощения. Пятнадцать лет они только ломали, связывали и фиксировали.

Марат был «гончей». Элитным ретривером Банка в физическом мире.

Система работала почти безупречно, но иногда случались сбои. Иногда VIP-должники, осознав, что их империи рухнули и расплатиться невозможно, пытались обмануть смерть и кредиторов. Они прятались в слепых зонах, отрезали себя от глобальной сети, нанимали мясников-хирургов, чтобы те вырезали шейные порты. И тогда к ним приходил Марат.

Он не задавал вопросов. Не чувствовал злости. Не чувствовал жалости. Он был идеальной функцией: находил беглеца, простреливал ему колени, если тот пытался бежать, и волок в ближайший мобильный пункт оцифровки, чтобы Банк мог выкачать из человека его суть.

Но в последний год что-то сломалось уже внутри самого Марата.

Сначала ушла профессиональная пустота. На ее место пришла усталость — черная, вязкая, как мазут на береговой линии. Ему стало физически тошно смотреть на чужой ужас. Прерывистое дыхание должника больше не было просто сигналом к захвату; оно оседало в ушах, цеплялось за что-то давнее, почти забытое.

А потом пришел сон. Сон о крыльях и святой, невыносимой боли.

Он снился всё чаще, превращаясь в наркотик. Марат просыпался с колотящимся сердцем, с фантомным ощущением перьев за спиной, и несколько секунд, пока реальность Юга-04 не наваливалась бетонной плитой, верил, что может быть другим. Не функцией. Не хищником. Не человеком,

который приходит за чужой последней надеждой.

Но реальность всегда побеждала.

С улицы, из приоткрытой двери подвального клуба «Центрифуга», доносился ритм. Низкий, грязный, тягучий бас. Бум. Бум. Бум. Он не был громким, но пробивал асфальт, отдаваясь глухой вибрацией в подошвах ботинок. Этот звук походил на медленное сердцебиение огромного уставшего зверя, ворочающегося во сне.

Марат посмотрел на часы. Половина четвертого ночи. Пора.

Он выбрался из душной машины. Воздух облепил тело горячей влажной пленкой.

Марат шел не в клуб. Он направлялся к неприметной железной двери по соседству, за которой скрывалась нелегальная нейрохирургическая клиника. В кармане лежал крипто-накопитель с суммой, которой хватило бы, чтобы купить новую личность, стереть отпечатки и исчезнуть где-нибудь в горах Патагонии. Но он собирался потратить всё до последней копейки на другое.

На черном рынке продавали многое: чужую молодость, чужие воспоминания о власти, чужой триумф, чужую первую любовь. Марат нашел товар, который почти не пользовался спросом.

Запрещенный эмоциональный патч: «Абсолютное милосердие».

Дилер клялся, что это не синтетика. Чистый слепок был

снят с настоящего святого — сельского врача, который добровольно пошел на оцифровку, чтобы оплатить лечение своих пациентов, прежде чем Банк стер его за неуплату.

Марат подошел к железной двери и прислонился лбом к прохладному металлу.

Он знал, что человека нельзя изменить извне. Но отчаянно хотел снова почувствовать ту очищающую боль из сна. Верил: если вживит в свой мозг чужую безграничную любовь, она выжжет из него палача. Он сможет посмотреть в глаза жертве и отпустить ее.

Он купит себе душу.

Замок тихо щелкнул. Марат толкнул дверь и шагнул в стерильную темноту подвала, оставляя за спиной тягучий бас и потный южный зной.

В подвале пахло спиртом, холодной сталью и горелым кремнием.

Толстая гермодверь отрезала липкую ночь. Бас из «Центрифуги» превратился в едва уловимое дрожание бетонного пола — аритмичный пульс глубоко зарытого в землю сердца.

Марат тяжело опустился в хирургическое кресло. Не умная алькантара элитных депозитариев Москвы, не стерильная роскошь официальной медицины Банка. Обычный медицинский кожзам, потертый на подлокотниках, и массивные ремни фиксации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.